

бѣе всѣхъ послѣдующихъ», по мнѣнію Толстого потому, что онъ самъ участвовалъ въ ея сочиненіи. О концѣ повѣсти, гдѣ описывается возвращеніе отца, Толстой говоритъ, что ничего подобнаго этимъ страницамъ онъ не встрѣчалъ въ русской литературѣ. Это, безспорно, милая сценка, но я предоставляю людямъ болѣе свѣдущимъ опредѣлять ея мѣсто въ русской литературѣ и сравнивать съ произведеніями Гёте и Толстого.

Федька и Семка были лучшими писателями въ школѣ, но Толстой открылъ тѣ же таланты и въ другихъ мальчикахъ, только въ меньшей степени.

«Здоровый ребенокъ,—говоритъ онъ,—родится на свѣтъ, выполнѣ удовлетворяя тѣмъ требованіямъ безусловной гармоніи въ отношеніи правды, красоты и добра, которыя мы носимъ въ себѣ; онъ близокъ къ неодушевленнымъ существамъ—къ растенію, къ животному, къ природѣ, которая постоянно представляетъ для насъ ту правду, красоту и добро, которыхъ мы ищемъ и желаемъ... Но каждый часъ въ жизни, каждая минута времени увеличиваютъ пространство, количество и время тѣхъ отношеній, которыя во время его рожденія находились въ совершенной гармоніи, и каждый шагъ, и каждый часъ грозитъ нарушеніемъ этой гармоніи, и каждый послѣдующій шагъ грозитъ новымъ нарушеніемъ и не даетъ надежды на восстановленіе нарушенной гармоніи». «Воспитаніе портитъ, а не исправляетъ людей. Чѣмъ больше испорченъ ребенокъ, тѣмъ меньше надо его воспитывать, тѣмъ больше нужно ему свободы».

«Учить и воспитывать ребенка нельзя и бессмысленно по той простой причинѣ, что ребенокъ стоитъ ближе меня, ближе каждаго взрослого къ тому идеалу гармоніи правды, красоты и добра, до котораго я, въ своей гордости, хочу возвести его. Сознаніе этого идеала лежитъ въ немъ сильнѣе, чѣмъ во мнѣ. Ему отъ меня нуженъ только матеріалъ для того, чтобы пополняться гармонически и всесторонне».
